

ГЛАВА 4

МОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Существование и благополучие **морского государства**, основанного морскими кочевниками, как это было сказано выше, предопределяются его коммерческим капиталом^{*}; точно так же, как у **материкового государства**, это предопределяется его недвижимым капиталом, выраженным в его недвижимом имуществе^{**}; и точно так же, и это следует здесь отметить, как в современном **конституционном государстве**, его экономический потенциал напрямую зависит от его промышленного капитала^{***}. Морской кочевник, конечно же, никогда сам не изобретал ни торговли, ни купечества; и ярмарки, и рынки, и города существовали задолго до него и предшествовали ему, но, поскольку все они так же служили и его целям, они теперь были заново открыты и развиты им для удовлетворения своих собственных экономических интересов. Все эти торговые институты, служащие также экономическими средствами, и бартер, предназначенный для равноценного товарообмена, получили свое дальнейшее развитие со времени своего открытия.

Здесь, впервые в данном исследовании, мы находим экономические средства не в качестве объекта для эксплуатации политическими средствами, но в качестве агента кооперации, принимающего непосредственное участие в происхождении государства, здесь его можно назвать также переходящим «звеном», создающим примитивное феодальное государство, чтобы потом произвести его более усложненную структуру. Происхождение Морского Госу-

* Капиталом, выраженным в деньгах, товарах, торговых походах и в поставках товаров. — *Прим. перев.*

** Территориях, защитных сооружениях, поместьях и городах. — *Прим. перев.*

*** Капитала, выраженного в фабриках и других средствах производства. — *Прим. перев.*

дарства не было бы вполне понятным, если бы мы не выдвинули также предположение о торговле и обмене товарами, существующими и происходящими в доисторический период времени. Кроме того, прогноз современного государства был бы не полным, если бы он не учитывал независимо сформировавшихся экономических средств локального характера, племенного товарообмена аборигенных народов.

Часть А. Товарообмен в доисторические времена

Психологическое объяснение товарообмена привело к теории предельной полезности, его наибольшей ценности. Согласно теории предельной полезности субъективная оценка экономического блага уменьшается прямо пропорционально числу предметов одного рода во владении одного собственника. Даже если встречаются два собственника, у каждого из которых имеется некоторое количество одинаковых предметов для торговли, они охотно и с удовольствием совершают товарообмен, при условии строгого запрета применения политических средств, т.е. если обе стороны очевидно равномерно сильны, или одинаково хорошо вооружены, или если, на очень ранней стадии развития, они находятся в священном круге родственных взаимоотношений.

При товарообмене* каждая из сторон получает чужую собственность с очень высокой субъективной ценностью вместо своей собственности с очень низкой субъективной стоимостью, поэтому обе стороны оказываются выигравшими в результате такой сделки. Желание первобытных людей обмениваться предметами должно было быть гораздо сильнее, чем подобное же желание у людей культурных, поскольку на этом этапе человек еще не ценит свои собственные товары, а жаждет вещей, принадлежащих не-

* Здесь и далее «бартер» = товарообмен. — *Прим. перев.*

знакомцам, и на его побуждения вряд ли оказывают влияние целенаправленно рассчитываемые экономические соображения.

С другой стороны, мы не должны этого забывать, что есть такие примитивные народы, к которым товарообмен не имеет никакого отношения. «Джеймс Кук рассказывает о племенах аборигенов в Полинезии, с которыми было вообще невозможно вступить в какие-либо социальные и торговые отношения, поскольку предлагаемые им подарки не производили на них никакого впечатления и были впоследствии даже выброшены прочь; все блага, что им показывали и предлагали, они воспринимали с полным равнодушием и без всякого желания владеть этими предметами, также они не желали расставаться и со своими собственными вещами; фактически они не имели никакого понятия ни о торговле, ни об обмене»⁵⁸.

Таким образом, Вестермарк* считает, что «бартер и торговля — сравнительно поздние изобретения человека». В этом он выступает против Пешеля**, который хотел бы, чтобы человек даже на самой ранней, известной нам стадии своего развития уже занимался бартером. Вестермарк утверждает, что нет никаких доказательств тому, «что пещерные люди из Перигора*** эпохи Северного Оленя**** добывали из скальных пород свои горные кристаллы и свои жемчужные раковины из Атлантики, а рога антилопы Сайга из (современной) Польши приобретали при помощи бартера»⁵⁹.

Несмотря на такие исключения, которые допускают наличие различных объяснений, вполне возможно и такое объяснение, что туземцы просто опасались колдовства, — история первобытных народов показывает, что желание

* Edward Alexander Westermarck.

** Oscar Ferdinand Peschel.

*** Природный регион и бывшая провинция Франции. — *Прим. перев.*

**** Эпоха позднего палеолита, датируемая 17 000—12 000 лет до н.э. — *Прим. перев.*

торговать и обмениваться товарами является универсальной человеческой характеристикой. Однако желание обмена может проявлять свою силу только в том случае, когда этим примитивным людям при встрече с незнакомцами будут предлагать неизвестные заманчивые предметы, поскольку в ближайшем кругу своих кровных родственников каждый из них имеет одинаковую собственность, а в своем естественном коммунизме имеет в среднем примерно одинаковое количество благ.

Но даже тогда бартер как начало всех обычных торгов может иметь место только тогда и в том случае, когда встреча аборигенов с иностранцами является мирной. Но есть ли возможность мирной встречи с иностранцами? Разве первобытный человек в течение всей своей жизни, и особенно в тот период, когда только начинается бартер, все еще не находится под страхом того, что каждый чужак из другого племени — это враг, которого следует опасаться, как волка?

Даже в том случае, когда торговля достаточно хорошо развита, то и тогда, как правило, она находится под сильным влиянием «политических средств», как говорят, «торговля, как правило, всегда следует за чьим-то грабежом»⁶⁰. Но ее первые зачатки главным образом результат экономических средств, результат миролюбивого, а не воинственного взаимодействия.

Межплеменные отношения первобытных охотников друг с другом не следует путать с отношениями, которые существуют либо между охотниками или скотоводами и их крестьянами, либо между самими скотоводами. Несомненно, бывают междоусобицы и кровная месть или вражда из-за ограбленных или поруганных женщин или, возможно, из-за нарушения границ районов, отведенных под охотничьи угодья или пастбища; но у них никогда не возникает такого сильного побуждения, которое является следствием только алчности, только желания ограбить, разорить других людей, лишить их продуктов их труда.

Таким образом, «войны» первобытных охотников — это едва ли настоящие войны, а скорее драки или единоборства,

которые часто ведутся, как это делают на немецких студенческих дуэлях, в соответствии с установленным церемониалом и продолжаются только до той степени, когда они больше не могут сражаться, как можно было бы сказать, «драка до первой крови»⁶¹. Эти племена, в численном отношении очень уязвимые, разумно ограничивают кровопролитие неизбежной величиной — например, в случае начала кровной мести — и, таким образом, избегают начала новой кровной мести*.

По этой причине мирные отношения со своими соседями в равных экономических масштабах намного крепче, а также гораздо свободнее от побуждения использовать политические средства как среди охотников, так и среди примитивных крестьян, чем среди скотоводов. Существует множество примеров того, как первые мирно встречаются, чтобы совместно использовать природные ресурсы. «Пока еще в примитивных стадиях цивилизации большие массы людей время от времени собираются вместе там, где могут быть найдены полезные объекты. Индейцы значительной части Америки регулярно совершали паломничества к кремням; другие собирались ежегодно во время сбора урожая в болотах Зизания на озерах Северо-Запада. Австралийцы, живущие в округе Барку, собираются со всех сторон для сбора урожая на болотных грядках кукурузы, несущей *Marsiliaceae*»⁶². «Когда деревья бонга-бонга в Квинсленде дают избыточный урожай, и в распоряжении имеется большой запас, чем может потребить племя, чужим племенам разрешается иметь свою долю в урожае»⁶³. Различные племена договариваются об общей собственности на определенные полосы угодий, а также карьеры фонолита для топоров»⁶⁴. Многочисленные австралийские племена проводят совместные консультации и заседания старейшин для вынесения судебных решений. В них

* Хорошей иллюстрацией к данному утверждению может служить документальный фильм о жизни австралийских аборигенов «Ten Canoes». — *Прим. перев.*

остальная часть населения представляет свидетелей, обычай, подобный германскому «Unstand», в первобытной народной ссоре⁶⁵.

Вполне естественно, что такие встречи должны привести к обмену. Возможно, это объясняет происхождение тех «еженедельных ярмарок, проводимых неграми Центральной Африки посреди первобытного леса в рамках специальных соглашений о мире»⁶⁶, а также тех великих ярмарок, которые, как говорят, были очень древними, охотников за пушниной на крайнем севере Чукче.

Все это предполагает развитие мирных форм сообщения между соседними группами. Эти формы можно найти почти повсеместно. В тот период их можно было очень легко разработать, поскольку тогда еще не было сделано открытие, что люди могут быть использованы в качестве «рабочих моторов»*. На этом этапе незнакомец считается врагом только в сомнительных случаях. Если же он приходит с явно миролюбивым намерением, к нему относятся как к другу. Поэтому вырос целый кодекс публично-правовых церемоний, призванный продемонстрировать мирные намерения незнакомца**. Человек поднимает, или разводит в стороны руки, или показывает свою безоружную руку, или кто-то заранее посылает специальных вестников, которые всегда неприкосновенны⁶⁷.

Очевидно, что эти формы сообщения представляют собой своего рода притязания на гостеприимство, и на самом деле именно благодаря этому гостевому праву мирная торговля впервые становится возможной. Обмен гостевыми подарками предшествует и, по-видимому, вводит сам

* Рабской силы. — *Прим. перев.*

** К этой категории следует относить приветствие, все еще используемое в некоторых местах: «Мир вам». Своенравие Л. Толстого поздних лет выражается в том, что он неверно понимает этот характерный признак времени, когда война была нормальным состоянием дел, как пережиток золотого века мира. «Значение русской Революции» (немецкий перевод А. Гесса, с. 17). — *Прим. авт.*

бартер, товарообмен. Именно поэтому важно исследовать источник гостеприимства.

Вестермарк в своей недавней монументальной работе (1906) «Происхождение и развитие нравственных понятий»⁶⁸ утверждает, что обычай гостеприимства происходит из двух причин: первая — это любопытство к известиям от незнакомца издалека и вторая — это страх, что незнакомец может быть наделен магическими способностями, вменяемыми ему только потому, что он незнакомец*. В Библии гостеприимство рекомендуется по той причине, что нельзя знать, что незнакомец не может быть ангелом. Суеверная раса боится своего проклятия (греки Ерины) и спешит умиловить незнакомца. Будучи принятым в качестве гостя, он неприкосновенен и пользуется священным правом группы, связанной с кровью, и считается принадлежащим ему во время его пребывания. Поэтому он пользуется преимуществами господствующего в группе аборигенного коммунизма и разделяет его собственность. Хозяин требует и получает все, что он требует, незнакомец получает, в свою очередь, то, что он просит. Когда мирное общение становится более частым, взаимная раздача подарков для гостей может перерасти в торговую договоренность, потому что торговец с радостью возвращается в то место, где он нашел хорошее развлечение и выгодный обмен и где он защищен законами гостеприимства, вместо того чтобы искать новые места, где зачастую с опасностью для его жизни ему только предстоит получить право на гостеприимство.

Конечно, предполагается, что существует некое «международное» разделение труда, прежде чем начнется развитие регулярных торговых отношений. Такое разделение труда существует намного раньше и в большей степени, чем

* Это может объяснить использование старых женщин в качестве герольдов. Они вдвойне подходят для этой цели, так как они бесполезны для войны и, как предполагается, наделены особыми силами колдовства (Вестермарк) даже больше, чем старики, с которыми также обращаются осторожно, так как они могут скоро стать «призраками». — *Прим. авт.*

принято теперь считать. «Совершенно ошибочно полагать, что разделение труда происходит только в широком масштабе экономического развития. В глубине Африки есть деревни только железных кузнецов, более того, таких, которые выпускают дротики; Новая Гвинея — там в деревнях есть гончары, а в Северной Америке — изготовители наконечников стрел»⁶⁹. Из этих специальностей развивается торговля, будь то бродячие торговцы, или дары хозяевам, или дары мира от племени к племени. В Северной Америке племя Кадду торгует луками. «Обсидиан универсально использовался для изготовления наконечников стрел и ножей; на Йеллоустоне, на реке Снейк, в Нью-Мексико, но особенно в Мексике. Оттуда ценный предмет торговли получил распространение по всей стране вплоть до Огайо и Теннесси, на расстояние около двух тысяч миль»⁷⁰.

Согласно Фиркандту*: «Из чисто самодельных продуктов первобытных народов возникает система торговли, совершенно отличная от той, которая преобладает в современных условиях ... Каждое отдельное племя развило собственные особые способности, что привело к взаимному обмену. Даже среди сравнительно нецивилизованных индейских племен Южной Америки мы находим такие различия ... В результате такой торговли продукты могут распространяться на необычайные расстояния не прямым путем через профессиональных торговцев, а путем постепенного перехода от племени к племени. Происхождение такой торговли, как показал Бюхер**, связано с обменом гостевыми подарками»⁷¹.

Помимо такого обмена гостевыми подарками торговля может произойти из мирных предложений, которыми противники обмениваются в знак примирения после боя. Сарториус*** сообщает о Полинезии: «После войны между различными враждующими островами от каждой группы

* Alfred Vierkandt, немецкий социолог и этнолог. — *Прим. перев.*

** Karl Wilhelm Bücher.

*** Georg Friedrich Sartorius.

островитян поступали взаимные мирные предложения какого-нибудь особенного нового урожая, и если дары одной стороны и ответные дары с другой стороны приходились по душе обеим сторонам, то повторение такого обмена получало продолжение и, таким образом, снова открывался путь для мирного обмена продуктами. Однако такие дары, в отличие от гостевых даров, служили основанием для возобновления общественной связи и отношений. Здесь, на местах контактов отдельных людей, могли встречаться как племена, так и целые народы. Женщины также являются первым объектом товарообмена, они образуют связующее звено между чужеродными племенами, и согласно свидетельствам многих источников женщины также обмениваются на скот»⁷².

Мы находим здесь женщин как объект торговли, который всегда возможно обменять даже без «международного разделения труда». А это значит, что обмен женщинами во многом сгладил путь для мирной торговли товарами, и, как видим, это был первый шаг, который способствовал мирной интеграции племен, которая сопутствовала и сопровождала воинственную интеграцию при формировании государства. Юлиус Липперт, впрочем, считает, что этому бартеру предшествовал миролюбивый *обмен огнем*⁷³. Признавая, что данный обычай очень древний, он тем не менее может проследить его только по рудиментам ритуалов и законов; но, поскольку доказательства недоступны, мы не будем здесь останавливаться на данном вопросе.

С другой стороны, обмен женщинами наблюдается повсеместно, и, несомненно, это оказывает чрезвычайно сильное влияние как на развитие мирного общения между соседними племенами, так и на подготовку к обмену товарами. История сабинских женщин, которые бросились между своими братьями* и своими мужьями**, когда они собирались вступить в битву, должно быть, стала

* Родней. — *Прим. перев.*

** Похитителями. — *Прим. перев.*

реальностью в тысячах подобных случаев в ходе развития человеческого рода. Во всем мире браки близких родственников считаются оскорблением и осквернением рода, таким как «инцест», по причинам, не входящим в сферу рассмотрения в данной книге»⁷⁴. Такое постановление направляет сексуальное влечение мужчин к женщинам соседних племен, и отсюда происходит, что добыча женщин является частью первичных межплеменных отношений, и почти во всех случаях, если сильное чувство родства не противодействует этому, то насильственное увлечение* женщин постепенно заменяется бартером или покупкой, мирным обычаем, возникающим из-за родственной нежелательности женщин своей собственной крови по сравнению с женами из других племен.

Там, где разделение труда сделало возможным обмен товарами, отношения между племенами впоследствии сделались для него полезными; эти экзогамные группы постепенно привыкли регулярно встречаться на мирной основе. Мир, изначально защищавший лишь орду кровных отношений, впоследствии стал распространяться и на более широкий круг. Один из бесчисленных примеров: «Каждое из двух племен Камеруна обладает своими собственными “внутренними областями”, местами, в которых торгуют его собственные соплеменники, и где, благодаря смешанным бракам, у них есть родственники. В данном примере экзогамия также демонстрирует свою соединяющую силу между племенами»⁷⁵.

Все это являлось основными линиями роста мирного бартера и торговли; от права на гостеприимство и обмена женщинами, возможно, даже от забытого обмена огнем до торговли товарами. В дополнение к этому и рынки, и ярмарки, а также, возможно, и торговцы почти всегда рассматривались как находящиеся под защитой бога, который сохранял мир и наказывал за его нарушение. Таким образом, мы проследили основания этого важнейшего

* Похищение. — *Прим. перев.*

социологического фактора до того пункта, когда политические средства выступают в качестве причины, вызывающей нарушение в налаживании экономических средств, а затем развиваются и оказывают влияние на продуктивность экономических средств.

Часть Б. Торговля и Первобытное Государство

Так вот, есть две очень важные причины, по которым воин-грабитель не должен чрезмерно вмешиваться в такие рынки и ярмарки, которые он может найти в своей завоеванной области.

Первая причина, которая является внеэкономической, — это суеверный страх перед тем, что божество отомстит за нарушение мира. Вторая, экономическая и, вероятно, наиболее важная, — и я так думаю, что я первый, кто указывает на эту связь, — это то, что завоеватели совсем не могут обходиться без рынков.

Добыча первобытных победителей состоит из большого количества имущества, которое недоступно для своего немедленного использования и потребления. Поскольку ценные предметы в этот период существуют в очень немногих формах, а эти немногие формы встречаются в большом количестве, то «предельная полезность» любого вида держится на очень низком уровне. Особенно это касается самого важного продукта политических средств — рабов. Давайте сначала рассмотрим случай со скотоводом: его потребность в рабах ограничена размером его стад; он, скорее всего, обменяет свой излишек рабов на другие предметы, представляющие для него большую ценность: на соль, украшения, оружие, металлы, тканые материалы, посуду и прочее. По этой же причине скотовод не только во все времена грабитель, но всегда вдобавок он еще купец и торговец, и как торговец, он защищает торговлю.

Он защищает торговлю, попадающуюся ему на пути, чтобы обменять свою добычу на продукты другой цивили-

зации, — с древних времен кочевники сопровождали караваны, проходящие через их степи или пустыни, в целях откупных денег, — но он также защищает торговлю даже в местах, завоеванных им с доисторических времен. То же экономическое соображение, которое побудило скотоводов перейти от медвежьей стадии грабителя к стадии пчеловода, должно было оказать влияние на них в том, чтобы они поддерживали и защищали древние рынки и ярмарки.

В этом случае одно-единственное разграбление означало бы убийство курицы, несущей золотые яйца. Ведь гораздо выгоднее сохранить рынок и, скорее, распространить на него господствующий мир, поскольку от регулярного обмена иностранными товарами, против одноразовой добычи, можно получить не только прибыль, но и откупные деньги, которые будут собраны как плата для лордов. По этой же самой причине притязания правителей феодальных государств на всех стадиях их развития простирались на внутренние рынки, торговые пути и торговцев под предлогом их «особой защиты», «царского мира», часто в самом деле закрепляя за собой монополию внешней торговли. И мы повсюду видим, как все они заняты созданием новых ярмарок и городов за счет протекций и иммунитета.

Такой интерес к системе ярмарок и рынков делает вполне вероятным то, что племена скотоводов настолько уважали существующие рынки в своей сфере влияния, что они полностью приостановили использование политических средств, чтобы не насаждать «господство» над ними. История, рассказанная Геродотом, по сути вероятна, хотя даже он был удивлен тому, что у Аргиппеев был священный рынок посреди незаконных скифских скотоводов и что их небооруженные жители были так эффективно защищены только благодаря священному миру их рынка. Многие подобные феномены делают это более правдоподобным.

«Никто не осмелится причинять им вред, так как они считаются святыми, и тем более они не имеют оружия; но именно они разгоняют ссоры своих соседей, и любой, кто

бежал к ним как дезертир, не мог быть затронут любым другим человеком»⁷⁶. Подобные случаи встречаются часто: «Это всегда одна и та же история как Аргиппеев, история “святого”, “безоружного”, “справедливого” племени, торгующего и устраняющего раздоры посреди племен бе-дуинского кочевого населения»⁷⁷. Цере* можно привести как пример высшего уровня. Страбон** говорит о его жителях: «Греки высоко ценили их храбрость и справедливость, потому что, несмотря на свою могущественность, они воздерживались от их грабежа». Т. Моммзен, который цитирует этот отрывок, от себя добавляет: «Это не исключает пиратства, которым занимались как торговцы Цере, так и все остальные торговцы, и скорее всего то, что Цере был своего рода свободной гаванью как для финикийцев, так и для греков»⁷⁸.

Цере не похож на ярмарку Аргиппеев, рынок внутри отдельных кочевников, он посреди владений морских кочевников, порта, наделенного собственным миром. Это одна из тех типичных формаций, значение которой, по моей оценке, не было оценено по достоинству. Они, как мне кажется, оказали мощное влияние на происхождение морских государств.

Те причины, по которым мы видели, что сухопутные кочевники вынуждены сохранять, если не создавать рыночные места, должны были бы с еще большей интенсивностью приводить морских кочевников к подобному же поведению. Транспортировка добычи, особенно скота и рабов, трудна и опасна на тропах через пустыню или в степи: медленное передвижение способствует преследованию. Но с военным каноэ или кораблем-драконом эта транспортировка легка и безопасна. По этой причине викинг даже более торговец и купец, чем скотовод. Как сказано в Фаусте, «война, торговля и пиратство неразделимы».

* *Caere* — древний город-государство этрусков, соответствует современному Черветери. — *Прим. перев.*

** Античный историк и географ. — *Прим. перев.*

Часть В. Происхождение Морского Государства

Я уверен, что во многих случаях торговля добычей пиратства является источником таких городов, вокруг которых, как вокруг политических центров, выросли города-государства античной или средиземноморской цивилизации; в то время как во многих других случаях такая же торговля способствовала тому, чтобы привести их к той же точке политического развития.

Эти портовые рынки развивались, вероятно, из двух основных типов: они выросли либо в виде пиратских крепостей, прямо и намеренно помещенных на враждебную территорию, либо, в ином случае, в качестве «торговых колоний», основанных на договорных правах в иностранных портах примитивных или развитых феодальных государств.

Что касается первого типа, то у нас есть ряд важнейших примеров из древней истории, которые в точности соответствуют четвертому этапу нашей схемы, когда вооруженная колония пиратов садится в коммерчески и стратегически защищенном месте на берегу иностранного государства. Самый известный пример — Карфаген; и таким же образом греческие морские кочевники, ионийцы, дорийцы и ахейцы поселились в своих морских замках на Адриатическом и Тирренском побережьях Южной Италии, на островах этих морей и в заливах Южной Галлии. Финикийцы, этруски*, греки и, согласно современным данным, карианцы — все они основали возле Средиземноморья свои «государства» схожим образом, с идентичным классовым разделением на хозяев, завоевателей и рабское крестьянство на соседствующей территории⁷⁹.

* Были ли этруски иммигрантами в Италию по суше, которые занялись пиратством, после того как успешно воевали на суше, или уже как морские кочевники они заселили страну через море, названное в их честь, это не было определено. — *Прим. авт.*

Некоторые из этих государств на побережье превратились в феодальные государства типа **материковых государств**; и правящий класс стал земельной аристократией. Факторами этого изменения были: во-первых, географические условия, отсутствие хороших гаваней и обширные внутренние районы страны (материковые территории), возделываемые мирными крестьянами; и, во-вторых, вполне возможно, приобретенная организация внутри классов, привнесенная ими из их первоначальных домов. Во многих случаях они были беглыми дворянами, побежденными домашними распрями или младшими сыновьями, иногда целым поколением молодежи обоего пола, которые, таким образом, начали «из викингов», и, имея дома, имея земли и крепостных, как мелкие лорды, они продолжали искать на чужбине то, что они считали своим долгом. Оккупация Англии англосаксами и южной Италии норманнами — примеры такого метода; также испанская и португальская колонизации Мексики и Южной Америки. Ахейские колонии Большой Греции на юге Италии дают дополнительные и очень важные примеры этого развития материковых феодальных государств морскими кочевниками: «Эта ахейская Лига городов была настоящей колонизацией. Города были без гаваней, — у Кротона был только ярмарочный морской рейд*, — но они не вели никакой собственной торговли: сибарит мог похвастаться тем, что он стал седым в своем водном городе между мостами, в которых он жил, в то время как купля-продажа осуществлялась милейцами и этрусками. С другой стороны, греки в этом регионе не только контролировали край берега, но и управляли от моря до моря; ... коренные жители сельхозугодий были вынуждены вступить в отношения клиентов или стать крепостными и должны были работать на фермах своих хозяев или отдавать им дань»⁸⁰. Вероятно, что и большинство дорических колоний на Крите были организованы аналогичным образом.

* Рейд — место, где корабли могут встать на якорь. — *Прим. перев.*

Впрочем, в ходе всеобщей истории все эти «материновые государства», возникающие более или менее часто, не приобретали такого важного значения, как те морские города, которые посвятили все свои основные силы торговле и частному предпринимательству. Теодор Моммзен в четких и хорошо подобранных предложениях сравнивает ахейского землевладельца с «королевскими торговцами» греческих колоний в Южной Италии: «Они никоим образом не отвергали сельское хозяйство или увеличение территории; греки не были удовлетворены, по крайней мере после того, как они стали могущественными, чтобы оставаться замкнутыми в укрепленной коммерческой фабрике посреди страны варваров, как это сделали финикийцы. Их города были основаны главным образом и исключительно для целей торговли и, в отличие от ахейских колоний, были универсально расположены в лучших морских гаванях и местах высадки»⁸¹. Мы можем быть вполне уверены в том, что в случае ионических колоний, и также можем предположить, что в других таких случаях основатели этих городов были не землевладельцами, а торговцами-мореплавателями.

Но такие морские государства или города, в строгом смысле, возникли не только в результате воинственных завоеваний, но также и в результате миролюбивых начинаний, в результате более или менее разнообразного мирного вторжения.

Однако там, где викинги встречались не с миролюбивыми крестьянами, а с феодальными государствами на примитивной стадии, готовыми сражаться, они предлагали и принимали условия мира и оседали в качестве колоний торговцев.

Нам известно о таких случаях в любой части мира, в гаванях и на рынках, расположенных вдоль берега. В качестве примеров, с которыми немцы лучше всего знакомы, мы можем привести поселения северогерманских торговцев в странах вдоль Немецкого океана и Балтийского моря, немецкий металлургический завод в Лондоне,

Ганза в Швеции, в Норвегии на острове Шонен и в России в Новгороде. В Вильне, столице великих князей литовских, была такая колония; и в Фондако деи Тедески в Венеции — другой пример подобного учреждения. Незнакомцы почти в каждом случае оседают как компактная масса, землячество, подчиняясь своим собственным законам и своей собственной юрисдикции. Они довольно часто приобретают большое политическое влияние и даже иногда простирают свое господство над государством.

Можно было бы представить, что следующая история от Ратцеля, касающаяся побережья и островов Индийского океана, была бы современным повествованием о финикийском или греческом вторжении в Средиземное море примерно в 1000 году до нашей эры: «Все народы, так сказать, были наполнены торговлей, в особенности умные, ревностные и вездесущие малайцы из Суматры, а также коварные буги-целбцы. Их можно встретить в любом месте от Сингапура до Новой Гвинеи. В последнее время, особенно на Борнео, они массово иммигрировали по призыву вождей Борнео. Их влияние было настолько сильным, что им было позволено управлять собой в соответствии со своими собственными законами, и они чувствовали себя настолько сильными, что неоднократно пытались добиться независимости. Ачинцы ранее занимали аналогичную позицию. Малакка стала основным рынком сбыта для малайцев из Суматры, и после ее упадка Ачин стал самой посещаемой гаванью дальнего востока, особенно в первой четверти семнадцатого века, в ключевой период развития этого уголка мира»⁸².

Следующие из бесчисленных случаев демонстрируют нам универсальность этой формы поселения: «В Урге, где они политически доминируют, торговцы собрались вместе в отдельный китайский город»⁸³. «В еврейских государствах были “маленькие колонии” иностранных торговцев и механиков, расположенных в разных кварталах городов. Здесь, под защитой царя, они могли жить в соответствии со своими религиозными обычаями»⁸⁴. Мы также можем

сравнить это с Первой Книгой Царств 20, 34*. «Военный успех противника, царя Дамаска, заставил Ефраимского царя Омри дать арамейским купцам возможность использовать определенные части города Самарии, где под царской защитой они могли торговать. Позже, когда ход войны благоприятствовал его преемнику, Ахаву, последний требовал такую же привилегию для ефраимских купцов в Дамаске»⁸⁵. «Жители Италии, где бы они ни находились, держались вместе как сплоченные и организованные массы, солдаты как легионеры, торговцы всех крупных городов как корпорации, в то время как римские граждане проживали или жили в различных провинциальных округах, были организованы как “собрание римских граждан” с собственным общинным правительством»⁸⁶.

Мы можем также вспомнить средневековые гетто, которые, до великого преследования евреев в Средние века, были похожими торговыми колониями. Поселения европейцев в портах сильных иностранных империй в настоящее время демонстрируют нам схожие корпоративные организации, имеющие свою собственную конституцию и (консульскую) юрисдикцию. Китаю же, Турции и Марокко приходится продолжать терпеть свое низкое положение, в то время как недавно Япония смогла избавиться от этого признака.

Самое интересное во всех этих колониях, по крайней мере для нашего исследования, состоит в их общей тенденции распространять свое политическое влияние на полное господство. И этому есть веская причина. Торговцы имеют массу движимого богатства, которое, вполне вероятно, может использоваться в качестве решающего фактора

* Текст из Первой Книги Царств 20, 34, на который ссылается автор, в синодальном переводе является текстом из Третьей Книги Царств 20, 34: «И сказал ему *Венадад*: города, которые взял мой отец у твоего отца, я возвращу, и площади ты можешь иметь для себя в Дамаске, как отец мой имел в Самарии. *Ахав сказал*: после договора я отпущу тебя. И, заключив с ним договор, отпустил его». — *Прим. перев.*

для политических потрясений, постоянно беспокоящих все феодальные государства, будь то при международных войнах между двумя соседствующими государствами или при внутринациональных войнах, таких как войны за престол или право престолонаследия. В дополнение к этому колонисты во многих случаях могут полагаться на силу, власть и поддержку своего родного государства, основывая свои претензии на кровных узлах и необычайно сильных коммерческих интересах; в то же время существует и такой факт, что во многих случаях они имеют в своей воинственной морской народности и в своих многочисленных рабах собственную эффективную и компактную силу, при помощи которой они способны достичь очень многого в ограниченной сфере.

Следующая история — о роли арабских купцов в Восточной Африке, как мне кажется, показывает исторический тип, до сих пор недостаточно оцененный: «Когда Спик, как первый европеец, совершил эту поездку в 1857 году, арабы были купцами, живущими как чужаки на земле. Когда в 1861 году он прошел тот же путь, арабы представляли великих землевладельцев с богатыми сословиями и вели территориальную войну с местным правителем. Этот процесс, неоднократно встречавшийся во многих других регионах внутренней Африки, является необходимым следствием баланса власти. Иностранцы торговцы, будь то арабы или суахели, просят о привилегии транзита и платят за нее дань; они создают склады, которые предпочитают вожди, так как они, как им кажется, и удовлетворяют их тщеславию, и расширяют их связи; затем, вызывая подозрения, притеснения и преследования вождей, торговцы отказываются платить им пошлины и сборы, которые так же выросли с ростом их благосостояния. Наконец, в одном из неизбежных сражений за преемственность арабы встают на сторону одного из претендентов во власть, если он довольно легко поддается их влиянию, и, таким образом, попадают во внутреннее политическое распри страны, и далее принимают участие в зачастую бесконечных войнах»⁸⁷.

Эта политическая деятельность торговых жителей (*metoikoi*) является регулярно повторяющимся примером. Ратцель пишет: «В Борнео из поселений китайских золотоискателей развивались отдельные независимые государства»⁸⁸. Собственно, вся история колонизации европейцами Нового Света представляет собой серию примеров закона, по которому обладающие любой превосходящей силой фактории (поселения) или более крупные поселения иностранцев имеют тенденцию к наращиванию собственного господства, если только они не относятся к примитивной категории простого пиратства, например такого, как испанские и португальские завоевания или компании из Восточной Индии, как английские, так и голландские. «За океаном, между Рейном и Шельдой, лежит государство грабителей», — обличают слова голландца Мультиатули. Все восточноазиатские, американские и африканские колонии всех европейских народов возникли по принципу первого или второго из этих двух типов.

Но чужестранцы не всегда получают свое безоговорочное преимущество. Иногда принимающее государство слишком сильно, и вновь прибывшие остаются политически бессильными, но защищенными чужаками; как, например, немцы в Англии. Иногда принимающее государство, хотя и подчиненное, становится достаточно сильным, чтобы избавиться от иностранного господства; так, например, Швеция изгнала ганзейцев, которые навязали ей свой суверенитет. В некоторых случаях иной завоеватель побеждает как торговцев, так и принимающее государство, и подчиняет себе их обоих; так это произошло с республиками Новгород и Псков, когда русские аннексировали их. Однако во многих других случаях богатые иностранцы и представители местной знати объединяются в одну группу правителей по примеру образования материковых государств, в которых, как мы видели, это происходило всякий раз, когда две примерно одинаково сильные группы правителей вступали в конфликт. И мне кажется, что именно эта последняя обозначенная ситуация является

наиболее вероятным исходом для происхождения самых важных городов-государств античного периода, и для греческих морских городов, и для Рима.

Из греческой истории, если использовать терминологию Курта Брейзига, мы знаем только «Средние века» римской истории и только ее «Новое Время». В отношении вопросов, которые предшествовали этому, мы должны быть предельно осторожными при извлечении выводов из причудливых аналогий. Но, мне кажется, уже достаточно фактов доказано и признано для того, чтобы сделать вывод о том, что Афины, Коринф, Микены, Рим и т.д. стали государствами в соответствии с изложенным выше порядком. И это следовало бы даже в том случае, если бы данные из всей известной демографии и всеобщей истории не имели бы такой универсальной достоверности, чтобы позволить себе сделать такой вывод.

Нам достоверно известно из названий мест (Саламин: остров мира, эквивалентный Маркет-Айленду) и из имен героев, из памятников и непосредственных традиций, нам точно известно, что во многих греческих гаванях существовали финикийские фактории (поселения), в то время как внутренние районы страны (материковые территории) были заняты небольшими феодальными государствами с типичными сочетаниями сословий дворян, простых вольных людей и рабов. Нельзя серьезно оспаривать тот факт, что развитие городов-государств сильно подвергалось иностранным влияниям; и это правда, хотя нельзя привести никаких конкретных доказательств того, что кому-либо из финикийцев или еще более влиятельных карианских купцов было бы разрешено вступить в брак с семьями из местной знати, или они бы стали полноправными гражданами, или, наконец, даже стали бы принцами.

То же самое относится и к Риму, в отношении которого Теодор Моммзен, очень осторожный автор, заявляет: «Рим обязан своим если не происхождением, то своим существованием этим самым торговым и стратегическим отношениям. Доказательством этого являются многие следы

гораздо большей ценности, чем рассказы об исторических событиях, претендующих на их подлинность. Возьмите пример первобытных отношений, существующих между Римом и Цере, которые были для Этрурии тем же самым, чем Рим был для Лациума, после чего они были ближайшими соседями и коммерческими партнерами; или необычайное значение, приписываемое мосту через Тибр и любому строительству мостов во всех частях Римского государства (*Pontifex Maximus**); или изображение галеры** на муниципальном гербовом щите. К такому источнику можно отнести и первоначальные римские портовые сборы, которым с давних времен подвергались только те товары, которые предназначались для продажи (*promercale*), а не те, что входили в гавань Остии для собственного использования фрахтователем (*usuarium*), и следовательно, что представляло собой налог на торговлю. По этой причине мы находим сравнительно раннее использование чеканенных денег и коммерческих договоров государств с Римом за границей. Таким образом, в этом смысле Рим, как гласит история его происхождения, скорее был сотворенным, чем развитым городом, а среди латинских городов скорее самым молодым, чем старшим»⁸⁹.

Для изучения всех этих возможностей, или, скорее, этих вероятностей, потребуется работа всей жизни для

* Согласно толкованию термин «Понтифик» означает «строитель моста» (*pons + facere*); «Максимус» означает «величайший». Возможно, изначально это подразумевалось в буквальном смысле: положение мостостроителя действительно было очень важным в Риме, где главные мосты были над Тибром, священной рекой и божеством. Толкование слова «понтифик» как «строитель моста» было толкованием Дионисия Галикарнасского и Марка Терентиуса Варро. Тем не менее это всегда понималось и в его символическом смысле: понтифики были теми, кто возводил «мост» между богами и людьми. — *Прим. перев.*

** Корабль с парусом и веслами, предназначенный для войны, торговли или пиратства, его изображение используется также в геральдических символах. — *Прим. перев.*

исторического исследования, чтобы затем суметь записать конституциональную историю этих выдающихся городов-государств и сделать оттуда столь необходимые выводы. Мне кажется, что на данном пути можно было бы найти много информации по многим неясным вопросам, таким как этрусское владычество в Риме, или происхождение богатых семей плебеев, или о политической деятельности торговых жителей (*metoikoi*) Афин и многих других проблемах.

Здесь же мы можем следовать только той нити, которая дает надежду вывести нас через лабиринт исторической традиции к искомой проблеме.

Часть Г. Существование и конец Морских Государств

Это все настоящие «государства» в социологическом смысле, вне зависимости от того, возникли ли они из береговых крепостей морских грабителей или из портов настоящих сухопутных кочевников как торговых колоний, которые достигли своего господства или объединились с господствующей группой правителей территории. Ибо все они есть не что иное, как организация политических средств, их форма — господство, их сущность — экономическая эксплуатация подчиненных господствующей группой.

Что касается принципа устройства, то их не следует отличать от государств, основанных земельными кочевниками; хотя все же они приняли другую форму, как из внутренних, так и из внешних причин, и показывают отличающуюся психологию классов.

Нельзя быть уверенным в том, что классовые чувства были совсем разными в морских и в материковых государствах. Здесь и там правящий класс с таким же презрением смотрит на подчиненных как на предметы, как на «Рантусов», как на «человека с грязными ногтями», как немецкий патриций в Средние века смотрел на существо, с которым, даже когда он был свободен, не допускалось никаких

контактов, браков и иных социальных сношений. В действительности мало что отличает теорию классов *καλοκάγαθος** или патрициев** от теории сельских помещиков. Однако здесь имеются другие обстоятельства, которые приводят к различиям, естественно созвучным с классовыми интересами. В любом районе, управляемом торговцами, грабеж на торговом пути недопустим, и поэтому он считается, например среди морских греков, вульгарным преступлением. Иначе сказка о Тесее в материковом государстве не была бы направлена против разбойников. С другой стороны, «в самое уже незначительно отдаленное время они рассматривали пиратство как нечестную торговлю, о которой можно найти множество доказательств в поэмах Гомера; в то время как уже в более поздний период Поликрат организовал хорошо развитое государство грабителей на острове Самос». «В *Corpus Juris* упоминается закон Солона, в котором ассоциация пиратов*** юридически признается разрешенной компанией»⁹⁰.

Но совершенно отдельно от таких деталей, которые упомянуты только потому, что они служат нам, чтобы пролить ясный свет на возрастание определенной «идеологической надстройки»****, основные условия существования морских государств, совершенно отличные от условий развития материковых государств, обусловили возникновение двух чрезвычайно важных феноменов, имеющих универсальное историческое значение, а именно: во-первых, это рост демократической конституции, благодаря

* «Благородно рожденные». — *Прим. перев.*

** Детей знатных предков; патриций — лицо, принадлежавшее к древним исконным римским родам, составлявшим правящий класс. — *Прим. перев.*

*** Здесь имеется в виду текст «η ετι λειαν οιχομενοι η εις εμπλοισιν» — «и на добычу, и на торговлю». — *Прим. перев.*

**** Насколько характерно для этих отношений то, что Великобритания, единственное в Европе «Морское Государство», даже и в наши дни ни за что не откажется от своего права вооружать каперов. — *Прим. авт.*

которой происходят жесткое соперничество и гигантская борьба между деспотичным султанизмом Востока и гражданской свободой Запада (согласно Теодору Моммзену, именно это и является истинным содержанием нашей всемирной истории); и, во-вторых, развитие капиталистического рабства, которое в итоге должно было уничтожить все эти государства.

Давайте сначала рассмотрим внутренние или социально-психологические причины наличия такого контраста между материковыми и морскими государствами.

Государства поддерживаются тем же самым принципом, из которого они возникают. Завоевание земли и населения — причина и сущность (*ratio essendi*) материкового государства; и путем повторного завоевания земель и населения оно должно расти, пока его естественный рост не будет остановлен горными хребтами, пустыней или океаном, или его социологические границы не будут определены контактом с другими государствами его собственного типа, которые он не может покорить и подчинить. Морское государство, с другой стороны, возникло из пиратства и торговли; и с помощью этих двух средств оно также должно стремиться расширить свою власть и свое влияние.

Для этой цели никакая обширная территория не должна быть абсолютно подвержена его влиянию. Морскому государству нет необходимости доводить свое развитие за пределы первых пяти этапов. Морские государства, редко и только когда принуждаются, выходят за рамки пятой стадии развития и достигают полного внутринационального объединения и слияния. Обычно вполне достаточно, чтобы другие морские кочевники и торговцы держались подальше, если монополия на грабежи и торговлю обеспечена и если «подданные» сохраняют спокойствие при помощи фортов и гарнизонов. Важные места производства, конечно, фактически «доминируют»; и это особенно относится к шахтам, к нескольким плодородным зерновым поясам, к лесам с хорошим лесом, к соляным работам и к важным рыбным промыслам.

Господство здесь, следовательно, означает постоянное управление, принуждающее подданных работать на правящий класс. Только позднее в развитии появляется вкус к «землям и рабам» и бóльшим владениям для правящего класса за пределами узких и первоначальных границ государства. Это происходит, когда морское государство путем объединения покоренных территорий становится соединением материковой и морской формы. Но даже в данном случае, в отличие от материковых государств, здесь крупные земельные участки являются всего лишь источником сдачи в аренду и почти во всех своих случаях рассматриваются и администрируются как заочное имущество. Это мы находим и в Карфагене, и в поздней Римской империи.

Интересы правящего класса, который как в морском государстве, так и в любом другом государстве управляет в соответствии со своими собственными преимуществами, отличаются от интересов в материковом государстве. В последнем феодальный территориальный магнат могуществен благодаря наличию собственности на землю и ее плоды; и наоборот, патриций морского города могуществен только благодаря своему собственному богатству. Территориальный магнат может доминировать в своем «государстве» только по количеству вооруженных им людей, и для того, чтобы иметь как можно больше их количество, он должен максимально увеличить свою территорию. Патриций, с другой стороны, может контролировать свое «государство» только при помощи движимого богатства, при помощи которого он может нанимать сильную армию наемников или подкупать слабые души своих противников; такое* богатство быстрее завоевывается при помощи пиратства и торговли, чем сухопутными войнами и владением крупными землями на отдаленных территориях.

Кроме того, чтобы основательно использовать земельную собственность, он должен был бы покинуть свой город, чтобы поселиться на земле вдали от него и стать

* Денежное. — *Прим. перев.*

обыкновенным помещиком; потому что в период, когда деньги еще не стали общепринятыми, когда выгодное разделение труда между городом и деревней еще не произошло, эксплуатация больших поместий может осуществляться только путем фактического потребления их продуктов, а заочное владение собственностью как источником дохода невообразимо.

Однако мы до сих пор еще не достигли этого этапа развития. Мы всё еще исследуем примитивные условия. Ни один патриций какого-либо города-государства не подумает в это время покинуть свой оживленный богатый городской дом, чтобы похоронить себя среди варваров и, таким образом, одним движением отрезать себя в своем государстве от любой политической роли. Все его экономические, социальные и политические интересы единодушно побуждают его участвовать в рискованных морских предприятиях. Не земельная собственность, а движимый капитал — движущая сила его жизни.

В этом есть движущие причины для деятельности правящего класса в морских городах; и даже в тех случаях, когда географические условия позволяли расширяться за пределы прилегающих внутренних районов этих городов, они прикладывали массу усилий на морскую мощь, а не на территориальный рост. Даже в случае с Карфагеном его колоссальная территория имела для него гораздо меньшее значение, чем его морские интересы. Прежде всего, они покорили Сицилию и Корсику в большей степени для того, чтобы предотвратить конкуренцию со стороны греческих и этрусских торговцев, чем ради собственного владения этими островами; это расширило его территории к ливийцам, в значительной степени для того, чтобы обеспечить безопасность его других домашних владений; и наконец, когда они покорили Испанию, то главной причиной этого была необходимость владеть копиями.

История Ганзы показывает нам много точек соприкосновения с вышеизложенным. Более того, большинство этих морских городов не были способны подчинить себе

большой сухопутный район. Даже если у них имелась воля к победе, то находились внешние причины, географические условия, которые им мешали. На всем протяжении Средиземного моря, за исключением нескольких мест, прибрежная равнина была чрезвычайно узкая, небольшая полоса, отгороженная высокими горными хребтами. Это была одна из причин, которая помешала большинству морских государств, сгруппированных вокруг какой-то торговой гавани, вырасти до размеров, которые мы, естественно, должны были бы считать вероятными; в то время как в открытой местности, управляемой скотоводами, и даже очень рано, появились огромные царства. Вторая причина незначительного размера этих государств заключается в том, что внутренние районы, будь то холмистая местность или немногочисленные равнины Средиземноморья, уже были оккупированы воинственными племенами. Эти племена, будь то охотники, или воинственные скотоводы, или даже примитивные феодальные государства того же господствующего народа, что и морские кочевники, вряд ли были бы покорены без серьезной борьбы. Таким образом, внутренние районы Греции были спасены от вторжений морских государств.

По этим причинам морское государство, даже когда оно наиболее развито, всегда остается централизованным, можно сказать, сосредоточенным на своей торговой гавани; в то время как материковое государство, сильно децентрализованное с самого начала, долгое время продолжает развиваться, поскольку оно еще более расширяет свою выраженную децентрализацию. Чуть позже мы увидим, какое на это оказывает влияние принятие таких форм правления и экономических достижений, которые были впервые усовершенствованы в «городе-государстве» и которые, таким образом, получили власть для противодействия центробежным силам и для создания центральной организации, которая уже характерна сегодня для наших современных государств. Это есть первый большой контраст между двумя формами государства.

Не менее решающее значение имеет второй контраст, в соответствии с которым материковое государство остается привязанным к натуральной экономике, а не к денежной экономике, к которой успешно обращается морское государство. Этот контраст происходит также из основных и противоположных обстоятельств их существования.

Везде, где государство живет в натуральной экономике, деньги являются излишней роскошью, — даже настолько излишней, что экономика, развившаяся с использованием денег, снова превращается в систему платежей в натуральной форме, как только сообщество возвращается в более примитивную форму. Таким образом, после того как Карл Великий выпустил хорошие монеты, экономическая ситуация сама исключила их. Нейстрия*, не говоря уже об Австрии, находилась под стрессом миграции народов, вернувшихся к оплате в натуральной форме. Такая система вполне может обойтись без денег в качестве стандарта ценностей, поскольку она не имеет развитого общения и трафика. Арендаторы лорда предоставляют ему дань в той форме, которую лорд и его люди немедленно потребляют; в то время как его украшения, тонкие ткани, дорогое оружие или редкие лошади и т.д. приобретаются в обмен у странствующих торговцев на рабов, воск, меха и другие продукты воинственной экономической системы обмена в натуральной форме.

В городской жизни на любой продвинутой стадии развития невозможно существовать без единой меры ценностей. Свободный механик в городе не может, кроме редких случаев, найти какого-то другого мастера, нуждающегося в особой вещи, которую он производит, и готового немедленно ее приобрести. Кроме того, в городах неизбежна розничная торговля продуктами питания, здесь каждый вынужден покупать себе всё необходимое, что делает

* *Neustria* была западной частью королевства франков, включала земли между Луарой и Сильвой Карбонарией, примерно на севере современной Франции. — *Прим. перев.*

использование чеканных денег совершенно неизбежным. Невозможно вести торговлю в более узком смысле этого слова не между продавцом и покупателем, а между продавцом и продавцом без единой меры оценки стоимости. Представьте себе случай, когда торговец, заходящий в порт с грузом рабов, желал взять одежду в качестве возвратного груза и находил торговца тканью, который в то время мог не хотеть рабов, а хотел железа, крупного рогатого скота или мехов. Чтобы осуществить такой обмен, по крайней мере дюжина промежуточных сделок должна быть совершена прежде, чем эта цель могла быть достигнута. Этого можно избежать, только если существует какой-то один товар, который желают все. В системе платежей материальных государств платеж может быть принят в виде скота или лошадей, поскольку они могут быть использованы кем-либо в любое время; но владелец судна не может погрузить скот в качестве средства платежа, и, таким образом, только золото и серебро признаются «деньгами».

Из централизации и от использования денег, которые являются необходимыми свойствами морского или городского государства, как мы будем называть его в дальнейшем, неизбежно происходит его судьба.

Психология горожанина, особенно жителя морского торгового города, радикально отличается от психологии его аграрного соотечественника. Его точка зрения более свободна и более инклюзивна, хотя и более поверхностна; он подвижней, потому что больше впечатлений настигает его за день, чем крестьянина за год. Он привыкает к постоянным изменениям и новостям, и поэтому всегда является *novarum rerum cupidus* (более нетерпеливым). Он более отдален от природы и менее зависим от нее, чем крестьянин, и поэтому он меньше боится всяких «призраков».

Одним из следствий этого является то, что подчиненный в городе-государстве менее склонен учитывать «запретные» правила, наложенные на него первым и вторым сословиями правителей. И поскольку он вынужден жить в компактных массах со своими собратьями, он рано

находит численное преимущество своих сил, так что он становится более крамольным, непримиримым и неуправляемым, чем крепостной, который живет в такой изоляции, что он никогда не осознает массы, к которой он принадлежит, и зачастую остается под впечатлением, что его повелитель и его последователи всегда будут одерживать верх в каждом бою.

Это само по себе приводит ко все более постепенному разладу и распаду жесткой системы подчинения групп, впервые созданных феодальным государством. В Греции только материковые государства могли продолжительное время сдерживать своих подданных в состоянии подчинения: Спарта — своих Илотов, Фессалия — своих Пенестов. С другой стороны, во всех городах-государствах мы рано находим яростное восстание пролетариата, выступая против которого правящий класс был не в силах противостоять его эффективному сопротивлению.

Экономическая ситуация имеет тенденцию к такому же результату, что и условия расселения. У морского движения богатства была намного меньшая стабильность, чем у земельной собственности: море сложно, и судьбы морской войны и пиратства не менее сложны. Сегодняшний богатый человек может потерять завтра всё из-за поворота колеса Фортуны; в то время как самый бедный человек может, таким же поворотом судьбы, быть заброшен на вершину удачи. Но в благополучном обществе, полностью основанном на имуществе, потеря удачи влечет за собой и потерю звания, и «класса», так же может происходить и обратное. Богатый плебей становится лидером народной массы в их конституционной борьбе за равные права и подвергает риску свою удачу в этой борьбе.

Положение патрициев становится все более несостоятельным; когда им приходится уступать, когда их принуждают уступать требованиям низшего класса. Лишь только первый богатый плебей попал в их ряды, право на власть по рождению, защищаемое как священное учреждение, навсегда становится невозможным. Отсюда следует, что то,

что справедливо для одного, справедливо и для другого; а за аристократическим правлением следует сначала плутократическое правление, затем демократическое и, наконец, охлократическое правление, пока какое-либо иностранное завоевание либо «тирания» какого-то «Разящего Меча» не спасают сообщество от неминуемого краха.

Такой конец неизбежно затрагивает не только само государство, но и, в большинстве случаев, всех его жителей настолько глубоко, что можно говорить о буквальном крахе и гибели народов, вызванном капиталистической эксплуатацией рабского труда. Такая эксплуатация является социальным институтом, неизбежно связанным с сущностью каждого государства, основанного на пиратстве и морских предприятиях и, таким образом, использующего чеканные деньги в качестве всеобщего средства обмена.

На ранних стадиях феодализма, откуда рабство возникло, оно было вполне безвредным, как это справедливо для всех экономических систем, основанных на натуральной форме обмена. Рабство стало опасным раком на теле общества и крайне разрушительным для жизни всего государства, только когда стало использовать «капиталистический» метод, т.е. как только рабский труд начинает применяться не для использования в системе феодальных выплат в натуральной форме, а для обеспечения обширного рынка, расплачивающегося государственными чеканными деньгами.

Бесчисленных рабов бесконечно ввозят в страну при помощи пиратства, каперства или коммерческих войн. Богатство их владельцев позволяет более интенсивно обрабатывать землю, а владельцы недвижимости в пределах городской черты получают все больший доход от своих владений и становятся все более и более жадными до новых земель. Мелкий свободный хозяин в своей стране, перегруженный налогами и пошлинами и военной службой в войнах, ведущихся в интересах того великого купеческого класса, впадает в долги, становится долговым рабом или мигрирует в город в качестве нищего. Но даже в этом случае у него нет никакой надежды, поскольку переселение

крестьян нанесло ущерб ремесленникам и мелким торговцам, потому что крестьяне обладали привычкой закупать товары в городе, в то время как огромные поместья, постоянно разрастаясь с удалением крестьянства, снабжали свои собственные потребности своими же собственными продуктами рабского труда.

Данное зло атакует и другие части политического организма. Все остальные профессии постепенно узурпируют хозяева, эксплуатирующие рабский труд, который дешевле свободного труда. Средний класс, таким образом, разваливается; и возникает нищая, ни на что не годная толпа, чернь, подлинный «голодранский пролетариат», который в силу демократической конституции, достигнутой за это время, является сувереном общества благосостояния.

Прямой курс, как политический, так и военный, всего лишь вопрос времени. Это может произойти без иностранного вторжения; что, однако, обычно наступает, когда по причине физического упадка, вызванного огромной депопуляцией, **расходом людей в буквальном смысле этого слова**, достигается эта конечная стадия упадка. Это конец всех таких государств. Но, в рамках данного трактата, мы более не можем растягивать эту тему.

Только один город-государство смог сохранить себя на протяжении веков, потому что он был окончательным завоевателем всех остальных государств и потому что был способен противодействовать потреблению населения единственным возможным результативным способом: обширными рекреациями населения своего среднего класса, как в городах, так и в сельских районах, а также обширными колонизациями крестьян на землях, отнятых у побежденных государств.

Римская империя была таким государством. Но даже такой гигантский организм в конце концов уступил перед потреблением населения, вызванным массовым рабовладением и капиталистической эксплуатацией рабского труда. Однако за этот промежуток времени Рим создал первую Империю, т.е. первое насильно централизованное

государство огромного масштаба, и преодолел и объединил все материковые государства Средиземноморского побережья и соседних с ним стран и тем самым навсегда установил перед всем миром модель такого организованного и централизованного владычества.

В дополнение к этому Рим развил свою организацию городов и систему денежного хозяйства до такой степени, что они никогда не были полностью разрушены, даже в суматохе варварского переселения. Вследствие этого уже примитивные феодальные материковые государства, оккупировавшие территорию бывшей Римской империи, прямо или косвенно получали те новые импульсы, которые должны были вывести их за пределы обыкновенного примитивного феодального государства.